

Игорь Шерстнёв

Соль.

Рассказы

Игорь Шерстнёв

Соль. Рассказы

«Издательские решения»

Шерстнёв И.

Соль. Рассказы / И. Шерстнёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903647-6

В сборник включены избранные рассказы в жанре «бытового сюрреализма», написанные в период с 2004 по 2011 годы. В связи с наличием в тексте табуированной лексики, сцен насильственного и сексуального характера автор предполагает, что написанное будут читать взрослые люди, ограничивающие доступ к подобным материалам своим подопечным, а также себе лично, в случае неприятия подобного содержания.

ISBN 978-5-44-903647-6

© Шерстнёв И.
© Издательские решения

Содержание

Два предисловия и три спасибо	6
Джаз	7
1	7
2	9
3	10
Фабрика	11
Болезнь Муаммара	13
Месячные	15
Чешка	16
Про Кузьму сказ	21
Сиши	24
А,Ш,А,Н	31
Соль	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Соль. Рассказы

Игорь Шерстнёв

© Игорь Шерстнёв, 2018

ISBN 978-5-4490-3647-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сохранены орфография и пунктуация автора. В тексте используется ненормативная лексика.

© Игорь Шерстнёв, текст, 2004—2011.

i.am.thereah@gmail.com

Два предисловия и три спасибо

Предисловие 2015

В этот сборник включены рассказы, написанные мной в период с 2004-го по 2011-й годы. Это было славное время, которое я провёл в компании славных людей. Они вдохновляли меня тогда, многие из них – вдохновляют и сейчас.

Сюда сознательно не вошли несколько историй, написанных для романа «Братья Рама-наускэй». Остальное ранее публиковалось в различных местах и получило свою порцию признания. Лучшее я отобрал для этого сборника. Первой по хронологии является история под названием *Котовский*, она была написана мной одним летним днём 2004-го года, последней – *Грудь*, завершённая в октябре 2011-го.

Спасибо – diary.ru, Хлопову и Владу. Без вас многого бы не случилось.

Предисловие 2004

Приступая к этому сочинению, я напился как свинья.

Джаз

1

Огромное облако, имевшее очертания Южной Америки, двигалось над городом. По проулку летели синтетические пакеты, облипая ноги прохожих и морды собак. Собаки недовольно мотали головами и рычали.

Рядом клали асфальт. От него волной шел плотный жар. От этого жара плавилась стрелка часов и стекали под ноги. Тротуары были залиты металлом. Возле лотка с газированной водой образовалась очередь. Мужчины в расстегнутых рубашках и женщины в сланцах. Кружили в воздухе пакеты. Очередь двигалась медленно. Подошел и стал в конец молодой человек. В желтых парусиновых штанах он был похож на вопросительный знак. Мотая головой, юноша взял стакан сельтерской и, отойдя в сторону, залпом выпил. Струйка воды, стекшая по уголку рта, оставила на его лице блестящую дорожку.

– Морока, – сказал подошедший следом за молодым человеком старичок. Один ноготь у него был особенно огромен, отвратительно желт. – Давненько не было такой жары. Слыхали, что делается?

Молодой человек слышал. Город был взволнован новостью – вчера на Старослободской зарезали нищего. Глаза у него были мутного, пивного цвета.

– Как думаете, пищевики? – спросил дед. Молодой человек не ответил.

Ноготь старика привлекал его внимание все больше. Для чего ему такой, как у ворона. Облезлый ворон с желтым ногтем. Молодой человек глянул на старика, разыскивая бельмо. Тот продолжал.

– Пищевики, точно тебе говорю. Совсем разбушевались. Силу свою показывают. Скоро решительный матч.

– Да, в воскресенье, – досадливо подтвердил молодой человек.

– В Васильевском парке. В четырнадцать ноль-ноль. При любой погоде. Вы приходите, юноша.

Отчего же нет бельма. Оно было бы даже... к лицу.

– Нет, я к футболу равнодушен, – рассеянно ответил молодой человек и отошел.

Имя его было Сева.

Он направился в парк. Розоватая тротуарная плитка скрипела под ногами. Усевшись в тени, Сева прикрылся газетой. Как назло попался спортивный раздел. Успехи норвежских лыжников. Финские военизированные стрелки победили в международных соревнованиях. Канадские мастера шайбы и клюшки подрались во втором периоде товарищеского матча. В конце петитом сообщалось о воскресном матче. Стоило пожалеть, что никакого отношения не имеешь к этим соревнованиям. На занятиях по физической культуре в школе Сева никогда не стоял во главе шеренги. Владик Комаров стоял. И где он теперь? Кандидат в мастера! Костя Пономарев – представляет завод на престижных областных состязаниях. Щуплый Виталик Новгородцев громит дворец пионеров в шахматы. Но Севе не было дела. Он отложил газетку в сторону и задремал.

Когда Сева очнулся, солнце садилось. Мимо прошла девушка в ситцевом платье. Сева поднялся и пошел за ней, привлеченный чем-то неясным. Из глубины парка доносились звуки музыки. Играли джаз, кажется, с трубой. Девушка повернула голову в ту сторону. Сева ощутил вдруг поднимающуюся откуда-то из желудка тошнотворную волну. Стало ясно, что незнакомка принадлежит к тому определенному сорту девушек, которые иногда оказываются и не девушками вовсе. Внезапная догадка окрасила происходящее в трагические сиреневые тона. Люди

вокруг исчезли, Севу окружили какие-то страшили. Под ситцевым платьем девушки ниже резиновой полоски трусов явственно проступил уродливый отросток. Она села на скамейку. Ощущая неизбежное, Сева сел рядом. Девушка посмотрела на него, закрыла глаза, приложила руку ко лбу и засмеялась простым, прелестным смехом.

– Видите ли, – как-то неловко, сбоку, начал Сева. – Обычно я так не поступаю. Не понимаю, что на меня нашло. Эта жара плохо действует на меня. Я совсем не могу говорить. Меня Севой зовут. В воскресенье матч, вы знаете? Пищевик и Всеобуч. На Васильевском. Мне футбол неинтересен. Я в газете прочел. Вы меня слушаете? Вам, должно быть, совсем неинтересно.

– Нет, вы, кажется, славный.

– Что ж, это хорошо, что я вам нравлюсь. И вы мне нравитесь. Жарко сегодня. Я встретил чудного старичка. Знаете, с таким ногтем. Желтым, заостренным. Как у По, немерморрр... Он мне рассказывал про нищего. Жуткая, нелепая история.

Быстро темнело. Зажигались фонари. Шипел газ. Девушка опять приложила руку ко лбу. Сева коснулся ее колена и снова ощутил, как желудок откликается на сообщение нервных окончаний. Это было невыносимо.

– Пойдемте... – пробормотал он.

– Куда?

– Куда-нибудь. Туда. – Сева неопределенно мотнул головой в сторону музыки. — Какая разница.

– Зачем?

Сева промолчал. Музыка усилилась, навалившись на них всей своей синкопированной тяжестью.

– Делайте что хотите, – наконец сказала девушка.

Помедлив, Сева подал руку, и они сошли со скамейки на зеленую траву. Насекомые пели от непереносимой любви друг к другу. На пути росли хорошие, густые кусты.

2

Назавтра Сева бузит в кабаке. Это кабак нижайшего пошиба – даже не кабак, а так, наливайка – из тех, где пить приходится стоя, где столы вытираются липкой тряпкой (или, что вероятнее, не вытираются вовсе), а под ногами насыпаны опилки, сметаемые в конце дня. Компания подбирается соответствующая – все сплошь пьяненькие, грязные мужички с пузырями на коленках и заросшими унылыми физиономиями. Они берут по чекушке, мятые пирожки с картошкой, опрокидывают, долго стоят.

Сева свой здесь. Когда он входит, его хлопают по плечу. Всеобщим клоуном влезает он на стол. В руках блестит полный стакан. Начинается представление. Примерившись, Сева садит любимого конька и гарцует, закладывая изящные виражи, достойные Буденного. Когда заканчивается вдохновение, Сева требовательно протягивает руку в зрительный зал. Мужички, ропща, подливают. Речь Севы продолжает струиться, словно моча энуретика. Зал он держит бесподобно.

– Я жрал ее. Я жрал ее губы липкие, и глаза; [...] Я был богом, и я парил вокруг, отрывая куски от нее зубами. Шел дождь, садилось солнце, падал снег, ее тело блестело под светом фонарей. Густые испарения шли от травы. Рыча, я таскал ее по частям под корни деревьев. Приходили собаки, я отгонял их, защищая свое. Она лежала, бесстыже, непривлекательно. Я скакал вокруг, выбрасывал коленца и выл. Я жрал ее; грыз кости, высасывая оттуда мозг. Она следила за мной, ее глаза вращались. Я сжимал ее в объятиях. Глазные белки покраснели, забил хвост. Торжество наполнило мою грудь. Она вся дрожала, как будто сквозь тело ее пустили напряжение. Взялась корочкой кожа. Трава вокруг пожухла, желтый лист упал с дерева. Рот оторвал крик. Я схватил его, словно самую большую драгоценность, и тут же проглотил. По всей вселенной гремели взрывы новых звезд. Падало и тут же всходило солнце. Луна отплясывала камаринскую. Оркестр принялся наяривать со страшной силой, так что от звука портилось вино в подвалах. Я не выдержал. Джазу, завопил я со всей мочи, джазу, джазу!

Ручьем льется пот с Севы. Он похож на чрезмерно увлеченного врача. Выкипаченным ножом вскрывает свою память, чтобы извлечь воспоминания. Однако обнаженный внутренний мир так увлекает, что Сева забывается и вырезает все подряд. Опустошенная память выглядит как скомканная авоська. Затихает музыка, в воздухе остается висеть лишь едва слышимое медное дрожание тарелки. Сева приходит в себя, недоуменно озираясь. Физиономии вокруг одобрительно гудят. Слышатся хлопки – это днища стаканов бьются о столы. Сева пытается спуститься с поверхности импровизированного манежа, однако попадает ботинком в тарелку с закуской. Летят ввысь пирожки, Сева валится на пол и засыпает.

3

Пьяного Севу вынесли на улицу и бросили в переулке. Он привалился к стене, подгреб под голову кучу мусора и так проспал до утренних дворников. По их шарканью он поднялся и пошел куда-то неопределенно, сверх означенных пределов, кутаясь в грязный пиджак. В голову ему втемяшился адрес. Адрес незнакомый, но невероятно привлекательный в своей почтовой выразительности. По случаю утра заводы были еще закрыты. Сева шел, оставляя их блестящие корпуса по левую сторону. Вступала медленно гитара. Навстречу попадалась все незнакомая местность. Кажется, раньше здесь была площадка для аэропланов, они летали отсюда в европы и прочие отдаленные земли, однако же теперь все было огорожено заборами, за которыми бесновались псы. Их приходилось опасаться. Известно, что собаки недолюбливают пьяных.

Короткого маршрута к адресу Сева не знал. Приходилось идти от одного знакомого места до другого с тем, чтобы, выйдя к третьему, спросить у трамвайного кондуктора верное направление. Наконец Сева вышел к нужному перекрестку. Он остановился. Огладил рукой вихры. Дом пять ментором возвышался над прочими номерами. Сева вошел в парадное.

Ему открыла сухонькая старушка в черном. Ничего не говоря, она скрылась в глубоком коридоре. Сева постоял, озираясь, потом, не снимая обуви, последовал за ней. Узкие бока коридора были обвешаны колготами с луком и плетеными корзинками. Выводил он в большую светлую комнату с синими полосатыми гардинами. Посреди комнаты стоял лоток с газированной водой и очередью. Сева стал в конец. Пузырились в окнах занавески. Жар стекал с них, и от этого намокали ноги в ботинках. Мучимый жаждой, Сева взял стакан сельтерской и отошел в сторону.

– Настоящая морока, – сказал подошедший вслед за ним старичок. Сева обернулся и вздрогнул.

Один ноготь у деда был особенно огромен (отвратительно желт!).

– Проиграли пищевики-то. Разгромным счетом, четыре супротив одного. Перейдя на чужую половину поля считанные разы. Чего же вас-то не было, юноша? Зрелище было знатное. – С этим словами дед подмигнул. На левом глазу у него красовалось свежевылупившееся бельмо.

Чувствуя отвратительную слабость, Сева наклонился и его вырвало. Среди полупереваренных пирожков с картошкой, сохранивших свой помятый вид, лежала вчерашняя спортивная газета, кусок ситцевой ткани, черное птичье перо и джазовая труба.

Фабрика

Собаки ушли первыми, как-то совсем неожиданно и все сразу. Толстый всегда думал, что предчувствовать беду в большей степени способны кошки, но тут, видимо, произошло что-то другое. И наутро, когда Толстый обходил территорию, собак уже не было.

Не было их ни в цехе номер один, ни в цехе номер два, ни возле гаражей, где они любили валяться на солнце, грея брюхо и как-то развлекаясь, ни у дальних складов. Собак не было совсем.

Толстый тихонько свистнул. Обычно на свист прибегала вислоухая, терлась у руки, выпрашивая подачку, а за ней переваливаясь, как бегемот на прогулке, толкался барбос. Толстый подождал немного. Свист быстро заглох в утреннем тумане, а вислоухой всё не было. Тут-то Толстого и осенило, что собаки ушли.

Он не строил иллюзий. Он знал, что рано или поздно это случится, да что там говорить, все к этому и шло, но он надеялся протянуть еще немного, хотя бы неделю или две, он даже кормить собак стал лучше, бросая им сочные хрящи из супа, и даже иногда мясо. Но собаки всё-таки ушли. Это значило, что скоро совсем всё.

Было часов семь, когда туман стал рассеиваться. Толстый достал из кармана кусок хлеба и принялся за завтрак, аккуратно откусывая хлеб над ладонью, чтобы и крошки потом доест.

Без собак было плохо. Даже не столько страшно, сколько пусто. Пусто – это значит до самых дальних складов, до зарослей крапивы и боярышника никого. Ни единой живой души кроме него. Пусто – это значит громада первого рабочего цеха и гулкая тишина второго, недостроенного, из красного кирпича, теперь принадлежит единственно ему, и что никого больше нет.

Что-то брякнуло у гаражей.

Сердце ёкнуло: Толстый поднял голову, втайне надеясь, что это вернулись собаки, но там никого не было. Толстый доел хлеб, ссыпал в рот крошки и, вытирая руки о штаны, пошел проверить. Всё было в порядке.

От собак, которые лежали тут, в опиле остались округлые вмятины, словно колесом проехали. И от этого стало как-то совсем грустно и тоскливо, и слезы подступили к глазам. Толстый шмыгнул носом и пошел к себе, варить суп.

Обычно в это время, после первого обхода, когда он только успевал поставить суп, шла смена. Тогда Толстый неприметно стоял за створкой больших облупившихся зеленых ворот и смотрел, смотрел, смотрел. Они шли тяжелым шагом, словно и не отдохнувшие совсем за короткую ночь, по двое по трое, закуривая «Беломор» (они курили здесь только «Беломор», а кто приходил из новичков – тот тоже начинал его курить, или переходил на него) и сплевывая тягучую утреннюю слюну. Они и лицом уже стали походить друг на друга – серые, с тяжелыми надбровными дугами, плохо выбритые, глаз не видать совсем.

Толстый жалел их, но в то же время и гордился ими и любил их, потому что без них не было бы и его, и от всего этого ему было как-то мерзко и противно временами, особенно по ночам, но ничего, решительно ничего сделать было нельзя.

Он подкладывал им временами в раздевалку и мясо, и конфеты, когда получше было, и они изумлялись и удивлялись, и вот тогда он чувствовал себя нужным и понимал, что живет. Но это бывало редко, куда как реже, чем ему хотелось бы, но он старался и экономил на себе, потому как по-другому было совсем нельзя.

По ночам он снова приходил в раздевалку, вдыхал густой застоялый, какой-то ржавый даже, запах пота, аккуратно развешивал промасленные спецовки по вешалкам, доставал из разбитых ботинок (обувь все приносили из дома, уже негодную) носки и сушил их в батарее, чтобы хоть так помочь им.

В цехе чистоту наводили они сами, за этим строго следил мастер и наказывал даже, потому тут работы было совсем немного. Потом стали строить второй цех и возили большими грузовиками кирпич, поставили бытовки и стали заливать фундамент. Цех обещал быть совсем большим, куда как больше первого, и это значит, работы стало бы совсем невпроворот, но когда подняли стены, неожиданно всё встало. В трещинах проросла сначала трава, потом поднялись робкие кусты, а вскоре выросли молодые березки, как раз на веники.

Теперь-то Толстый понимал, что это было начало конца, и уже тогда витал тоскливый и безнадежный дух, но верить тогда в это совсем не хотелось, думалось, что всё будет и остановка только временная. Потом убрали ночную смену. Толстый вздрогнул и проснулся однажды – от неожиданной ночной тишины, и собаки переругивались от скуки. А потом сократили и дневную, и вскоре совсем убрали ее. И тогда стало тихо. Почти как сейчас, только собаки еще были.

Толстый перестал спать по ночам, ворочался, смотрел на часы и думал, куда всё уходит. Его окружали воспоминания, они кружили у него перед глазами, и хотелось пойти к собакам, обнять их и выть вместе с ними.

Обходы превратились в формальность, даже ночные, потому что тащить было нечего, и порядок наводить стало неловко даже, но он всё равно делал это, потому что ничего другого не умел.

Ему чудились голоса и тяжелые шаги. Он слышал, как в цехах звенит сталь и работают краны, и не раз он вскакивал и бежал куда-то, ему мерещилось, что он опять забыл высушить носки. И вот теперь ушли собаки.

Толстый стоял, помешивал суп, пробовал его, дуя на ложку, и понимал, что вот сейчас-то уж придется уйти и ему, оставаться более совсем незачем, и он сделал всё что мог, даже больше, чем от него требовалось. Но уходить не хотелось всё равно, он привык тут, и даже, кажется, был готов умереть.

Суп был готов, Толстый сел на табуретку и заплакал, а на душе было мерзко и противно, и он знал, что завтра соберет вещи и уйдет, потому что эту пустоту терпеть мочи нет никакой.

Домовой всегда уходит последним.

Болезнь Муаммара

«Силы коалиции нанесли авиаудар по родному городу Каддафи», «Британцы уничтожили военные склады Каддафи», «Турция присоединилась к операции против Каддафи» – Муаммар с сосредоточенным видом кликал одну за другой ссылки на Google News. Его немытые кудри тускло блестели в электрическом свете. Новостная волна накатывала одна за другой, оторваться было невозможно. Муаммар бен Мухаммед Абу Меньяр Абдель Салям бен Хамид аль-Каддафи, более известный как Братский лидер и руководитель первосентябрьской Великой революции Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии или Братский вождь и руководитель революции, серфил по сети за своим Макбуком уже который день. В отдельном окне была открыта страничка английской википедии со статьей про него самого. Периодически Муаммар вносил туда правки, сверяясь с текущей обстановкой в Ливии и мире. Он был зарегистрированным пользователем под ником CurlyKitty42, и имел серьезный вес в арабском разделе, славясь хорошим специалистом по толкованиям Корана и арабской порнографии XI века.

Сзади в очередной раз раздалось недовольное мычание.

Каддафи обернулся. В большой – в человеческий рост – китайской терракотовой вазе сидел его сын, засыпанный кокаином по горло. Муаммар посадил его туда, после того как тот дал интервью CNN, в котором назвал происходящее в стране «позитивными сдвигами». Теперь сын был на вечном позитиве, требовалось лишь поить его водой – а гурии и райские сады возникали сами. Муаммар взял детский поильничек в виде фаллоса, такой обычно использовали для дочерей, и дал сыну напиться. Лидер революции был милосерден.

«Гвардия девственников за Каддафи до последнего».

Отличная новость. Муаммар довольно улыбнулся, поправляя темные очки. Даже здесь, в полумраке своего дворца, он не снимал их. Знали бы они, что молодая, физически крепкая девственница – это лучший охранник. К тому же самого Муаммара всегда привлекали мальчишки, да и то до того момента, пока у него стоял. Заявление гвардии навело на одну мысль. Каддафи открыл в текстовом редакторе файл с тезисами будущей двух-трехчасовой речи по CNN и внес туда следующее: «Мы будем бороться до последней капли крови, до последней пули, до последней жены». Слово «жена» Каддафи выделил жирным шрифтом. Сзади захохотал сын, нюхнувший очередную дозу.

– Привет, папа.

Каддафи взглянул на вошедшего. Это был Саид, еще один сын и глава армии.

– Как дела?

– Американцы купились, папа. По нашим сведениям они готовятся к развертыванию наземной операции. – Сын говорил с воодушевлением.

– Отлично, просто отлично. Как думаешь, долго продлится веселье?

– У нас много русских ракет, папа. Хороших русских ракет. До настоящего времени бомбардировки не нанесли нам сколь либо серьезного урона. Пострадали лишь нанятые для маскарада среднеазиатские моджахеды, да пара наших супервайзеров на побережье.

– Население?

– Они готовы умереть за вас, вождь.

– Хорошо, Саид.

Голос Муаммара звучал буднично. Внезапно им овладело равнодушие. Блять, подумал он по-арабски. Некуда бежать. В воздухе запахло поражением.

Вся эта операция, все это восстание, протесты, оппозиция – все это было выдуманно и затеяно Муаммаром только с одной целью. Чем занимается человек, сорок лет имеющий

шесть миллионов верных подданных, зиллионы долларов на оффшорных счетах подставных фирм по всему свету, место в мировой десятке по запасам нефти?

Жестом руки Каддафи отослал сына. Жирный персидский кот, Падишах XIV, четырнадцатый кот за время пребывания Муаммара у власти, лениво подошел к хозяину, запрыгнул на стол и улегся прямо посреди клавиатуры ноутбука. Машинально Каддафи запустил руку в его шерстяное урчащее пузо. Стало немного лучше.

Большую часть времени своего пребывания у руля, Муаммар был сосредоточен на одном единственном виде борьбы. Борьбы со смертельной неизлечимой болезнью, против которой были бессильны сотни и миллионы нефти, долларов и девственниц. Борьбы, в которой он терпел поражение за поражением.

Он боролся со скукой.

Месячные

Месячные пришли по расписанию. Сестра Евдокия, насельница второго года, заперлась в келье и достала початую пачку прокладок: настоятель не одобрял тампоны. Задрав подол, Евдокия замерла – из нее сочилась не кровь, но *кровь*. Кровь Христова, *вино*, бывшее в голову запахом черного спелого винограда.

Чешка

В начале сентября в классе появилась новенькая. Ее привела за руку мама, передала учительнице и ушла. Девочка осталась стоять перед доской, неловко переминаясь с ноги на ногу и чувствуя на себе внимание всего класса. На ней были красные колготки и неуклюжие черные туфли, забрызганные грязью. Портфель за спиной был такой большой, что, казалось, туда поместится она сама. Светлые волосы были собраны сзади в пучок, отчего шея выглядела тонкой.

– Как тебя зовут? – спросила учительница.

– Настя.

– А фамилия?

– Плотникова.

– Пятый «б», внимание! У нас новая ученица – Настя Плотникова, – объявила классная и добавила, обращаясь уже к новенькой: – Садись с Костюхиным. Второй ряд, третья парт.

Денис Костюхин тут же занял. Весь прошлый год он занимал парту один, после того как Ленку Смирнову перевели в школу для умных. Пытался, правда, к нему подсесть Колька Ситченко, но Денис дал ему в лоб, и Колька ушел обратно.

На первом уроке Костюхин присматривался к своей соседке, прикидывая чего можно от нее ожидать. Плотникова обладала внешними признаками тихони-отличницы, с высоким, гидроцефальным, лбом, бледными куриными ладонями и аккуратным платьем. Робко заняв свой стул, она достала из портфеля две новые тетрадки: одну в клетку, другую в линейку, – и большой зеленый пластмассовый пенал. В пенале лежали две одинаковых ручки с синими колпачками, а в отделении по соседству – заточенный карандаш. Венчала все большая белая стирательная резинка.

Вскоре Костюхин выяснил, что Плотникова имела противную привычку морщить лоб и тереть себе ухо, когда думала. Ее лицо при этом обретало некрасивое выражение, словно она споткнулась и вот-вот упадет. Пока все подписывали тетради, Костюхин открыл свою на последней странице и принялся рисовать черные самолеты. От этого занятия он не отрывался до самого звонка.

На перемене Плотникова осталась на своем месте. Она сидела, озираясь, боясь подняться и пойти куда-нибудь. Ей не хотелось нарушить порядок, которого она еще не знала. Среди всеобщего шума ей было не по себе, она вертела головой, стараясь поскорее угадать, как себя нужно вести.

Костюхин сорвался с места при первых же звуках звонка. Он заложил широкий круг по кабинету, растопырив руки, и вылетел в коридор. За ним побежали двое или трое, движимые каким-то безотчетным чувством. Однако скоро Денис вернулся в класс. Он шел уже развязным шагом, заложив руки в карманы, словно большой.

Обогнув второй ряд, он сел напротив Плотниковой и долго, пристально разглядывал ее лицо. Она не смотрела на него, замерев и ожидая, что будет дальше. Костюхин высунул язык, коснулся им кончика носа и спросил:

– Можешь так?

Минуту она решалась, а потом попробовала. Костюхин тут же схватил показавшийся язык и больно сжал. На глазах Плотниковой выступили слезы, она вскочила и побежала в туалет, чтобы смыть резкий соленый вкус, оставшийся после чужого прикосновения. Костюхин заржал, а к концу десятиминутной перемены, все уже знали, что перед тем, как разыграть новенькую, он зашел в сортир и поссал себе на пальцы.

На следующем уроке объявили расписание на четверть. Каждый день было по шесть уроков, иногда парных – две математики подряд, но чаще совсем разных. Елена Николаевна, класс-

ная руководительница, предложила носить учебники пополам с соседом по парте, чтобы было не так тяжело. Костюхин толкнул свою соседку в бок и объявил, что ничего носить он не будет.

На второй день выяснилось, что Плотникова была чистюлей. Паста в ручке постоянно марала страницу. Плотникова доставала из портфеля лист рыхлой бумаги и аккуратно промокала страницу с кляксой. На перемене она уносила ворох скомканных промокашек в мусорную корзину. Костюхин с брезгливостью наблюдал за ней. Сам он по-прежнему рисовал самолеты, оставляющие после себя густые клубы жирного дыма.

После второго урока к Насте подошла Лена Чебышева.

– Привет, – поздоровалась она.

– Привет.

– Ты как сюда попала?

– Куда?

– Ну, к нам.

– Мама сказала, что некоторое время мне нужно походить в эту школу.

– А что ты натворила?

– В смысле?

– Ну, Костюхин, к примеру, урод. Он второй год в пятом классе. Знаешь, что он поссал себе на пальцы, перед тем как схватить тебя за язык?

– Нет.

Настя отвечала, не поднимая головы.

– Это кто тут урод, Чебышева? – грозно спросил подошедший Костюхин.

– Ты.

– А по роже?

– Отвали, Костюхин.

– Сама вали, Ленка на губах засохла пенка.

Пацаны заржали, Чебышева, оттолкнув Дениса, пошла на свое место.

После третьего урока на большой перемене был обед. Пятый «б» в полном составе отправился в столовую. Толстый Славик Котиков сразу занял очередь в буфет, а остальные расселись за столы, на которых был расставлен компот. Дежурные уже тащили первое – борщ с большим количеством капусты. Его почти никто не ел. Второе – размазанную по тарелку ложку пюре и котлету – смели почти всё. Костюхин закончил одним из первых и принялся, пританцовывая, ходить вокруг столов, чтобы стянуть у кого-нибудь лишнюю котлетку.

Котиков, только отстоявший очередь в буфет и тащивший оттуда целую тарелку слоеных пирожков, пал первой жертвой. Вернувшись, он обнаружил, что его котлета пропала. Костюхин не отпирался и предложил тут же вернуть похищенное, театрально засовывая два пальца в рот. Славик поморщился и, прижимая к себе одной рукой тарелку с пирожками, стал не спеша и основательно хлебать борщ.

Костюхин продолжил было приставать к нему, что, мол, награбленным нужно делиться, но тут его внимание привлекла Плотникова, которая встала со своего места и пошла к раздаче, чтобы взять себе еще хлеба. Котлету она уже начала есть, нетронутым оставался только компот. Костюхин подскочил и, не раздумывая, плюнул ей в стакан. После чего сел за соседний стол и стал наблюдать за тем, что будет дальше.

Настя вернулась на свое место и доела котлету. Котлета ей не понравилась. Поэтому она взяла компот, чтобы запить ее прогорклый вкус. Не чувствуя, что все взгляды в этот момент обращены на нее, она залпом выпила весь стакан. Костюхин смотрел широко раскрытыми глазами.

– Плотникова, ты что, дура?

Она посмотрела на него.

– Я плюнул туда, – сказал он и заржал.

Ей стало дурно. Она наклонилась, и ее вырвало прямо на скамейку котлетой и красноватой борщовой жижей. Теперь уже смеялись все.

Больше с Настей никто не заговаривал. Пятый «б» в полном составе исключил Плотникову из своей жизни. На переменах она сидела на своем месте, не решаясь пойти куда-нибудь. Ее не трогали до урока хореографии, для которого требовалось принести сменную обувь. Весь класс пришел в кроссовках, только у Плотниковой были старые потертые чешки.

– Эй, только посмотрите – у Плотниковой чешки! – крикнул Ситченко, который первым заметил этот факт.

– Ха-ха-ха! Чешки!

– Чешки!

– Чешки!

Все повторяли одно и то же, на разный лад. Настя сидела на стуле до тех пор, пока в актовый зал не вошла учительница. Во время переключки, когда назвали фамилию Плотниковой, кто-то крикнул: «Чешка!», – и все заржали. Кличка прилипла намертво.

Вскоре случилась контрольная по математике. Костюхин, весь вечер перед ней игравший в контру, решить ничего не смог. Через двадцать минут он произнес свистящим шепотом, пихая соседку в плечо:

– Чешка, дай списать.

Настя сидела, делая вид, что ничего не произошло.

– Чешка!

Никакой реакции.

– Плотникова! – Это уже было сказано довольно громко, достаточно для того, чтобы услышала сидящая на своем месте математичка Белла Константиновна.

– Костюхин, не мешай соседке, – сказала она. – Используй свою голову, а не чужую.

– Я не мешаю, – буркнул Денис. Положение было катастрофическое. Требовались незамедлительные действия. Костюхин осторожно оторвал клочок от угла листка с задачами и написал: «Реши вторую». Сложив клочок пополам, он закинул его к Плотниковой. Она, не разворачивая, перекинула его обратно. Костюхин повторил попытку, сопроводив ее свистящим: «Ну чё ты». Тогда Плотникова неожиданно встала и заявила:

– Белла Константиновна, Костюхин мешает мне решать контрольную.

Все обернулись на нее. Меры были приняты немедленно. Денис был депортирован на первую парту прямо перед математичкой. Там он до конца урока возил ручкой по пустому листку, но так и не написал ни строчки.

Как только прозвенел звонок, и контрольные были сданы, Костюхин вернулся на свое место.

– Тебе конец, Чешка, – сказал он.

На следующий день Плотниковой устроили темную. Когда она вошла в класс, на голову ей набросили чью-то куртку и несколько раз сильно ударили в живот. Задышавшись, она упала, и тогда с нее ножницами срезали большую часть платья: откромсали рукава, оставив их на плечах, а остальное разрезали на спине. Настя так и не увидела, кто это сделал. Когда Елена Николаевна вошла в класс, Чешка сидела на полу и плакала. В одних рукавах она была похожа на арлекина.

– Я хочу поговорить с вами, – сказала Елена Николаевна. – О Насте. Как классный руководитель.

Мама Плотниковой была вызвана звонком по телефону.

– Настя не рассказывает вам, что происходит?

- Нет, а в чем дело?
- Ну, вы же сами должны были заметить, Екатерина Владимировна. Уж платье-то...
- Настя сказала, что зацепилась за что-то.
- Зацепилась? Да так, что оторвались оба рукава?
- А что тогда?
- Да, не в платье дело. Видите ли, Настя, как это сказать, не совсем прижилась в классе.
- Не прижилась?
- Ее травят, Екатерина Владимировна.
- Настю? Кто?
- Одноклассники.
- Все сразу? Мальчики?
- Больше всех ее сосед по парте Денис Костюхин, но это не так важно. Нужно понять, почему это происходит.
- Что он делает с ней, этот Костюхин? Это он порвал ей платье?
- Он, и не только это. Вчера на уроке истории он при всех столкнул Настины учебники на пол и сказал, что стукачка сидеть с ним не будет.
- Стукачка? Я не понимаю.
- Я тоже не совсем понимаю, Екатерина Владимировна. Ваня Лисиков забрал ее куртку и бросил в унитаз в мужском туалете. Леша Комаров нарисовал неприличную картинку про нее на доске. Это травля, я не могу иначе это назвать.
- Но почему?
- Вот для этого-то я и пригласила вас, Екатерина Владимировна. Я тоже ничего не понимаю. Настя хорошая девочка, умная.
- В старой школе все было хорошо.
- В старой школе все было хорошо. Характеристика у нее отличная. Что могло случиться? Она вам ничего не рассказывала?
- Нет, я же сказала. Совсем ничего.
- Но что-то же она говорит о школе?
- Говорит, что все хорошо.
- А раньше она что-нибудь скрывала от вас?
- Да нет, никогда. Она всегда все рассказывала мне.
- Есть кое-что, – вздохнула Елена Николаевна, – мне кажется, дети тонко это чувствуют. А Настя... знаете, Настя... ее как будто хочется обидеть.

Урок физкультуры у пятого «б» проходил в малом зале на втором этаже. Это было первое занятие сегодня. Мальчишечья раздевалка подтрунивала над толстым Котиковым, на свою беду пришедшим одним из первых.

- Эй, жир, а сколько ты вешишь?
- Что тяжелее килограмм железа или килограмм жира?
- Жира конечно! Посмотрите, это же жир!

Котикова спас физрук, оглушительно свистнувший под дверью, что означало – пора в зал. Пятый «б» лениво выкатился из раздевалок и поплелся строиться в шеренгу. Костюхин стоял первым. Когда все выстроились, и началась проверка присутствующих, в зал вошла Плотникова. При ее появлении все замерли.

- Чего опаздываешь? А ну, марш в шеренгу, – скомандовал физрук. Настя стала в самый конец. – Десять кругов для разминки. Костюхин, вперед.

Все побежали. После того как задание было выполнено, Котиков с Комаровым натаскали матов под канат. Физрук объявил:

– Тренируйтесь, особенно ты Котиков. На следующей неделе сдаем нормативы. Я отойду ненадолго.

Когда физрук ушел, Костюхин ловко вскарабкался под самый потолок и соскользнул вниз. Подув на горящие ладони, он не спеша подошел к Плотниковой, сидевшей на скамейке у окна.

– Ну что, Чешка. Твоя очередь.

– Не буду, – буркнула она.

– Да ее мамаша всем вчера звонила! – крикнул Комаров.

– Тихо, Леха, – сказал Костюхин.

После встречи с Еленой Николаевной мама Плотниковой позвонила всему классу и устроила истерику. Отец Костюхина, считавший, что многое можно поправить телесными наказаниями, тут же выпорол Дениса. Лисиков был отлучен от компьютера.

Костюхин сел рядом с Плотниковой, обнял ее за плечо и спросил:

– Чешка, а Чешка, ты почему такая Чешка?

– Я не Чешка.

– А кто ты?

– Настя!

– Нет, ты Чешка! – утвердительно сказал Костюхин.

Ее повалили на пол. Она отбивалась и кричала, но их было больше. С нее сняли куртку и продели рукавами в перекладину турника. Потом Плотникову подняли и вдели в куртку обратно, застегнув на молнию.

Когда вернулся физрук, Чешка висела, нелепо дрыгая ногами, и надрывно повторяла:

– Ну почему вы такие злые? Почему?

Про Кузьму сказ

Как на острове Буяне, что на море-окияне, в стародавние времена жили людишки, да странные какие-то. Было у них по два уха да брюхо, на голове картуз, а в руках арбуз. В бога, правда, верили, но не в того, что слева, а в другого, никому не известного. И хорошо жили, сильно не тужили, семечки щелкали, да в дуду играли.

Это только присказка, а сказка впереди будет.

Недоброе происходит при царе Горохе, ох недоброе.

Завелась в лесу нечисть – поганки бледные, померло от них две деревни: наелись да и пропали. Звали попа – поп ходил вокруг, кадилом помахал – толку никакого; и то – дошло до знающих людей потом, что расстригой оказался. Скрывался в здешних местах от синоду. А мы что? Видим – поп, а какой поп, что у него за соответствие – и не ведаем. За то была потом кара – с колокольни при сильном ветре и молниях упал колокол, придавив у Анфима козла.

Хотя и хорошее тоже было. При охульнике царском Гришке расцвела заморская торговля – изо всех концов стали прибывать фуротары и везти диковины: ведмедей плюшевых да икру рыбью. А как-то, на большой праздник, в стольный град привезли диковину невиданную – лепестричество.

Кузьма тогда как раз повез лапти торговать, две телеги лаптей повез.

– Я, – говорил значительно перед этим, – корову себе куплю. Буду с нее молоко доить, масло делать, а масло тоже торговать буду. Еще корову на барыши куплю, это в два раза больше масла выйдет. Глядишь, в люди пойду!

Долго ли коротко ли, стоит Кузьма на базаре, сапоги лакированы, борода чёсана, картуз на бок заломлен – будто купец большой! Народ мимо ходит, на лапти глядит, щупает, но покупать не спешит – приценивается. И то – люд сейчас шибко умный пошел, ждет вечера, купцы домой будут собираться – авось отдадут в полцены.

И тут оно! Лепестричество!

На большой телеге (у Кузьмы раз этак в пять поменьше будет) стоит диковина – колесо железом обитое, краской разрисовано, адская рожа, петух, намалевана. Вокруг телеги стоят заморские граждане – заморыши, билеты продают, зазывно кричат по-своему, а толмач наёмный переводит.

Народ собрался быстро, уши развесил – слушает.

– Леди и мусье!

– Пострелята да пострелёныши, а также их родители!

– Зисис эликтификасьон экстрадионэр бутифул!

– Диковину заморскую увидеть не хотите ли?

– Аттансьон! Гигьен боку традисьон фукин пукин!

– Кто смел выходи, задешево для почину!

Кузьма и прельстился тогда. За лаптями следить мужичка какого-то оставил, деньгу вырученную в ладонь сгрёб и айда к диковине.

– Я хочу! – кричит.

– О, волэнтэр! – радуются купцы заморские.

Толмач в сторону Кузьму отвел и перевел, значит, по-быстрому:

– Ничего не бойся, диковина надежная, наукой испытана на хомяках – чудо хороша, смертельных ситуэйшен нема совсем!

Ничего не понял Кузьма, но деньгу отдал – сколько было, а было изрядно: коровий хвост можно было купить. А то и копыто!

Посадили, значит, Кузьму на телегу, обруч железом кованный на лоб натянули, один из заморышей (мастер, видно) забежал вокруг колес, рукоятки тягает, молотком стучит, запус-

кает лепестричество. Тут в глазах у Кузьмы темнеет, руки немеют, ноги отнимаются. И видит он словно во сне:

будто сидит на царском троне заместо царя нашего, Гороха, змий зеленый о двух головах;
будто есть у этого змия дочь – писаной красоты царевна: щеки румяны, губы пухлые,
тело белое, маслом политое;

но дочь эта непроста – не могут сыскать ей жениха уже тридцать лет и три года;

и потому не могут, что ...;

и плывет над видением голос мужеский – суровый и решительный: «быть тебе, Кузьма, мужем царевниным коли убьешь ты его, ...»

А дальше Кузьма дослушать не успел: заморыш обруч с него стянул, по щекам отхлестал, в чувство приводя, водой в морду побрызгал.

– Арю элайф?

– Не понимаю я, по-вашенски, хомяк! – говорит Кузьма ему и головой мотает из стороны в сторону. Слез с телеги и пошел, словно пьяный, к лаптям. Народ уважительно расступается, герою проход даваячи. Добрел Кузьма до своей телеги – а лаптей-то и нету! От такой оказии, разум мигом в тело вернулся. Ан поздно!

– Не видели? – спрашивает Кузьма у народа честного.

– Не видели!

– Не знаете?

– Не знаем!

Вот так вот бывает. Пришлось возвращаться ни с чем: ни денег, ни лаптей, ни коровы – только от лепестричества заморского голова трещит и делать что – непонятно.

Три недели сидит Кузьма на печи, думу думает. Но сколько не думай – одно выходит: надо идти его воевати. Царя своего, Гороха – свет-батюшку. Дабы царевну на себе оженить. Иначе к чему лепестричество твердило в уши Кузьме, к чему он потерял телегу лаптей и две коровы будущих?

– Ох... – ворчит Кузьма да бок чешет. – Надо идти его воевати.

– Эк ты какой – воевати! – сказывает брат ему в ответ. – Чем ты его будешь воевати? Сапогом своим блестящим? Эх, Кузьма-Кузьма! Здоровый ты мужик, но не дал бог, как говорится.

– Ты это, – ведет Кузьма носом уважительно, – не наговаривай. Бога-то нету.

– Которого нету: того, что слева или справа?

– Обоих!

– Ну эт ты загнул, брат. Такого точно быть не может!

– Нету, – упирается Кузьма, – нету, нету, нету!

Разгорячился, с печи соскочил, по избе скачет, руками машет. Покрутился, покрутился – чует: делать нечего, шасть за порог да на царя.

Знамо, до стольного града добратся сейчас – как пару валенок связать! Кузьма и одуматься не успел – стоит в царских хоромашках докладывается: «Кузьма, мол, лапотных дел мастер, к царю по личному вопросу».

Допустили. Царь оказался об одной голове и в змеиных сходствах не обличен вовсе. Только с лица немного зеленоват, но это, может, свет неровно падал с окон. Кузьма и растерялся, стоит картуз в руках ломает, слов не вяжет.

– Ну, здорово, лапоть! – говорит царь.

– Здорово, царь-батюшка!

– С чем ко мне пожаловал? Говори без утайки!

– Воевати вас пришел, батюшка!

– Эк ты как поворачиваешь сразу! Воевати, значит?

– Воевати, – понурился Кузьма.
– Что ж так-то? Аль недоволен чем? Повинность большу платишь? Или в солдаты застригают?
– Нет, царь-батюшка. Не застригают.
– Что тогда?
Царь с лица изменился боле, бороду чешет, корона на ухо съехала – волнуется.
– Царевну вашу оженить хочу. Было мне знамение от лепестричества, что аз есмь избран.
– Аз есмь, говоришь?
– Есмь, батюшка, есмь.
– А ежели я тебе ее так отдам? Воевати не избегнуть?
– Как так?
– Ох... как бишь тебя?
– Кузьмой кличут.
– Ох, Кузьма-Кузьма! Скажу тебе тайну царёвой важности: доча моя, царевна, значится, засиделась в девицах, хоть и писаной красоты сама. Не берет никто. Ибо есть в этом деле одна загогулина. Подь сюды!

Кузьма к царю придвинулся, и царь на ушко шепнул ему такое – что теперь уж лапотных дел мастер с лица побледнел и как-то разом осел к полу. Царь корону оправил и говорит, уже не таясь:

– Видишь теперь? А ты – воевати! Так отдам, задаром, да еще полцарства в придачу! Что скажешь?

И быть бы тут Кузьме мужем царевниным – царевичем, играть свадьбу медовую да полцарства отхватить разом без смертоубийства – но:

– Не хочу, – говорит. – Боязно, что-то.

Царь ничего не сказал, рукой только махнул – иди, мол, воевака. По сию пору, значится, Кузьма лапти плетет да на базар свозит в надежде на корову барышей скопить. Только к диковинам заморским с большим подозрением ныне относится – врут окаянные, почище Ваньки-пострелыша. А что за загогулина с царевной вышла: эт он никому не говорит, ибо тайна не какой-нибудь – царёвой! – важности!

Сиши

Основано на реальных событиях

Итиро Кудо отложил в сторону обед, вытер губы о бумажную салфетку и взглянул на свои часы. Они показывали 13:41. Самое время. Итиро заблокировал компьютер, уперся в край своего офисного стола, на котором царил идеальный порядок, и встал. Обеденный перерыв в муниципалитете города Кавагучи заканчивался через девятнадцать минут, а опоздание на свое место признавалось недостойным государственного служащего. Так что ему следовало потопотопиться.

Итиро вышел из своего загончика и пошел по узкому коридору, по обеим сторонам которого сидели в плексигласовых коробках его коллеги, а в конце стоял кофейный автомат. Чашка кофе в нем стоила 240 йен и несмотря на общемировое падение курса доллара снижаться не собиралась. Но сейчас Итиро это совершенно не заботило. Он направлялся в туалет, чтобы как следует вздрочнуть перед второй половиной рабочего дня.

Специалист департамента по связям с общественностью Итиро Кудо не спеша прошел по коридору, насвистывая про себя мелодию песни Not Gonna Get Us. Эти девчонки, кажется русские, уже несколько недель возбуждали воображение Итиро. Премьера очередной серии порноклипа с их участием должна была состояться в кабинке мужского сортира через пару минут.

В самом благостном расположении духа Итиро зашел в туалет. Его член уже рвался в бой. Посмеиваясь, Итиро тщательно вымыл руки и вытер их насухо вафельным полотенцем. В это время сортир обычно был пуст: клерки предпочитали проводить остаток обеденного перерыва за играми со своим мобильным, нежели предаваться радостям испражнения. Это давало Итиро простор для действий. Он аккуратно снял пиджак и повесил его на крючок для полотенец. Затем стащил рубашку, оставшись в одной майке. Некоторое время он разглядывал себя в зеркало, любуясь результатами ежедневных утренних тренировок. Он был действительно хорош.

Итиро достал из внутреннего кармана пиджака iPod и направился в среднюю кабинку. Однако там воняло так, что хоть святых выноси. Пришлось идти в крайнюю. Запершись изнутри, он накрыл стульчак крышкой и положил на нее плеер. Композиция Not Gonna Get Us стояла самой первой в списке двадцати пяти самых проигрываемых. Итиро вставил наушники, спустил до щиколоток штаны и принялся было за дело, когда его взгляд упал на сливной бачок. Из-под его крышки торчал уголок какой-то бумаги. Итиро потянул за него и вытащил на свет божий конверт из дорожной бумаги васи. Тушью на нем было написано: «Вознаграждение».

В конверте лежало 10 тысяч йен, как раз на сорок с небольшим чашек кофе. Одна купюра в 5 тысяч и пять достоинством в одну тысячу. Итиро охватило неприятное чувство беспокойства. Машинально он огляделся. Никого не было. Мелькнула мысль о том, что стоит заявить в полицию. Итиро открыл конверт, чтобы положить деньги обратно и засунуть его туда, откуда он взялся. Однако в конверте была записка, не замеченная им ранее.

«Я награждаю тебя, Итиро-блудник. Совершенствуйся. Пожалуйста, будь счастлив».

Дзиро Такахаси заказывал уже шестую большую порцию подряд. Он сидел в ресторанчике на одной из боковых улочек Кавагучи и был настроен очень решительно. Ему безумно хотелось есть, есть несмотря на то, что он уже уплел пять больших порций. Дзиро был сумотори. Однако он не выступал уже два года, так что, пожалуй, к нему можно было применить определение бывший. Хотя бывают ли борцы сумо бывшими? Ему было двадцать семь лет, и он уже достиг категории макусита, третьей по значимости в сумо, когда травма паховых колец оборвала его блистательную карьеру. Ему прочили большое будущее, пожалуй, он мог бы даже войти в пантеон великих и стать вровень с ними. Но теперь у него осталось только его тело. Великолепное раздобревшее тело сумотори весом двести восемьдесят килограмм. И это тело требовало шестую большую порцию жареного цыпленка и картошки-фри.

Дождаясь пока ему принесут заказ, Дзиро проглядывал спортивную газету, размышляя о тех временах, когда он составит свой идеальный рецепт чанко-набе. Чанко-набе, блюдо из свинины, говядины, рыбы, риса, овощей и морепродуктов, было основой питания борцов сумо. Но Дзиро придумал кое-что новое. Курица. В ней была вся суть. Курица крепко стоит на своих двух ногах. А чего еще желать сумотори, кроме как устоять? Над этим следовало поразмыслить хорошенько. Что-то было в этой идее.

Принесенную большую порцию Дзиро умял за считанные минуты, после чего, невзирая на протесты своего голодного желудка, расплатился. До дома было не слишком далеко, поэтому он решил пройтись, размяться, да и заскочить в супермаркет, прикупить разной курятины на пробу.

Однако желудок внес некоторую коррективу в такой безупречный, казалось бы, план. Неожиданно его прихватило, да прихватило так, что Дзиро едва не обделался на месте. Может быть, требовалось всего лишь приоткрыть заслонку и сбросить газовое давление, но проверить так ли это Дзиро не решился. Сжимая очко, он заскочил в ближайшее здание. Спросив где тут сортир и едва выслушав ответ, он помчался в указанном направлении.

Еле успев спустить штаны, Дзиро изверг из себя селевой поток. В процессе набора веса с ним случалось всякое. В сущности это та же булимия, только наоборот, когда излишки еды выводятся вот таким вот способом. Отдышавшись и придя в себя, Дзиро подтер зад и повернулся, чтобы смыть это безумие.

Кое-что привлекло его взгляд. Это был кусок бумаги, дорогой бумаги, торчащий из сливного бачка. Дзиро вытянул его целиком. Конверт. На обороте, там, где обычно пишут адрес, стояло: «Вознаграждение».

Внутри было 10 тысяч йен – пятитысячная и мелочь. Воровато оглянувшись, Дзиро положил их к себе в бумажник. Пошарил в конверте пальцем – не завалилась ли в углу мелочь. Но там была всего-то записка. Ерунда какая-то. Дзиро скомкал ее вместе с конвертом и бросил в унитаз. Смыв воду, он с трудом развернулся в тесной кабинке и вышел. То, что он прочел, гласило:

«Я награждаю тебя. Добрей. Пожалуйста, будь счастлив, Дзиро-обжора».

Настроение у Сабуро Ито было неважное. Его дела висели на волоске. Более семнадцати лет его компания получала право на уничтожение городского мусора, и вот это право оказалось под угрозой. Мэрия приняла новый закон, согласно которому теперь для получения контракта по исполнению муниципальных работ требовалось выиграть тендер.

Это определенно был сигнал. Сигнал о том, что Сабуро перестал устраивать мэра. А если Сабуро перестал устраивать мэра, значит, он лишится доверия и других людей. Людей, которые давали ему деньги, чтобы его компания продолжала прикрывать их денежные потоки.

Тогда Сабуро Ито положил во внутренний карман своего пиджака Zegna пачку, обернутую газетной бумагой, и пошел в мэрию. Мудрость предков гласила, что сильнее тот, кто выигрывает войну до того, как она начнется. Внутренности бюрократической машины требовали смазки. Чуть масла и шестеренки завертятся в нужном направлении.

Вид у господина Куроки, мэра муниципалитета Кавагучи, был неблагоприятный. Когда Сабуро подтолкнул ему плотный газетный сверток и сказал, что мусором будет продолжать заниматься его компания, мэр лишь поморщился.

«Я вижу, что ты, Сабуро, чтить традиции, – сказал мэр. – Это радует меня. В наше светлое время, когда многие стали забывать о своих корнях, вассал, выражающий уважение своему господину – это хорошо. Но недостаточно. Чтить одни традиции, пренебрегая другими – вот, что плохо. Знаешь ли ты формулу истинной преданности, Сабуро Ито?»

Тот покачал головой. Мэр отодвинулся от стола и сделал приглашающий жест. Сабуро поднялся и подошел к нему. Становись на колени, скомандовал мэр. Сабуро встал. Расстегивай, сказал мэр, указывая на свою ширинку. Сабуро побледнел. Разговор о традициях получил свое истолкование.

В душе Сабуро Ито боролись алчность и собственное «я». Неважно, существовала ли именно такая традиция подчинения вассала сюзерену. Сабуро допускал, что вполне могла существовать. А могла и не существовать. Этот метафизический вопрос отступал на задний план перед обстоятельствами. Как бизнесмен, Сабуро хорошо представлял, что он теряет и что приобретает. Нужно было лишь взвесить, достаточно ли цена, которую он получит за свою честь? А с учетом налогообложения? С учетом дисконтирования?

Но дело Сабуро не было бы успешным, если бы он не умел принимать такие решения мгновенно. Расстегнув ширинку брюк мэра, он высвободил его вялый член и принялся сосать. Через полчаса он уже вышел из кабинета, имея во внутреннем кармане своего пиджака Zegna подписанный контракт.

Перед тем как отправиться к себе в офис, Сабуро зашел в муниципальный туалет прополоскать рот. В держателе для бумажных полотенец он заметил конверт из бумаги васи. У него у самого были подобные, для особо важных писем. В конверте, на котором было написано «Вознаграждение», находились деньги, десять тысяч, и записка, повергшая Сабуро в ужас:

«Я награждаю тебя, жадный Сабуро Ито. С пользой потратить полученные деньги. Пожалуйста, будь счастлив».

Сиро Куроки посещал начальную школу уже шестой год, но этот день должен был стать для него самым особенным за все время обучения. С утра мать завернула ему с собой тимаки, а это могло означать только одно – сегодня танго-но сэкку, праздник мальчиков. Сиро шагал по улице, увешанной изображениями карпов, представляя себе, как все будет происходить. На последнем уроке, когда учительница закончит рассказывать им о традициях эпохи Хэйан, девочки встанут со своих мест и начнут дарить им открытки. Сиро имел все основания полагать, что ему достанется больше всех.

Сиро Куроки был сыном мэра и избалованным ребенком. Отец покупал ему все что угодно, стоило Сиро лишь наморщить лоб и начать топтать ногами. Так он выпросил себе новую PlayStation 3, комплект настоящих боевых мечей самурая, гоночный карт и еще множество других вещей, которые занимали в доме целую комнату. Однако при всем желании отец не мог

купить ему одного – популярности среди сверстников, которая была у Идзимото Нагаино. Как же он ему завидовал!

За прошедший год Сиро проделал большую работу, чтобы устранить этот недостаток. И сейчас, проходя мимо развевающихся разноцветных карпов, в праздник мальчиков, он мог с облегчением сказать себе, что дорога мелких обманов, больших притворств и обыденных унижений, ведущая к верховному положению в классе, завершена. Сегодняшний открыточный триумф должен был стать достойным завершением этого пути.

Весь день Сиро ерзал как на горячих камнях, пытаясь сообразить, может ли Идзимото составить ему конкуренцию. Он с жадностью ловил каждый взгляд, которым одаривались претенденты. Наконец, госпожа Минамото закончила урок и объявила, что можно приступать к поздравлениям. Хихикающие девочки сбились в стайку в углу класса и о чем-то зашушукались. Сердце Сиро замерло в предвкушении.

Он получил семь отрыток. Это было хорошо. В любое другое время Сиро бы только порадовался. Но сейчас – сейчас он люто завидовал одному человеку, завидовал так, что сводило скулы и начинало сосать под ложечкой, завидовал потому, что Идзимото получил одиннадцать посланий. Ровно на четыре больше.

Сиро вскочил с места, подбежал к парте своего заклятого врага, опрокинул пузырек с тушью на стопку его тетрадей и выбежал из класса. Он понесся вверх по улице, туда, где возвышалось величественное здание муниципалитета. Он вбежал в него, взлетел по лестнице к кабинету отца. Кажется, шло какое-то важное совещание, но Сиро не обратил на это никакого внимания.

– Убей их всех, папа! – закричал он. – Они меня не любят.

Сиро вцепился в ногу господина Куроки. Люди, сидящие за столом, вежливо отвернулись. Мэр встал, взял своего сына на руки и понес его в туалет.

– Приведи себя в порядок, – сказал он. – Ты позоришь меня и всю нашу семью.

Когда дверь туалета закрылась, Сиро остался один и сел у стены, снедаемый черной завистью по имени Идзимото. Ид-зи-мо-то. У него было все, у Сиро не было ничего.

Наконец Сиро встал и пошел в кабинку пописать. Когда он потянулся, чтобы слить воду, то увидел торчащий из сливного бачка конверт. В нем было десять тысяч йен – вознаграждение, если верить надписи на конверте.

«Я награждаю тебя Сиро Куроки. Твоя зависть достойна уважения. Направь эти деньги на ее развитие. Пожалуйста, будь счастлив».

Горо Кобаяси повернулся на бок. Кадзими подошла к окну, чтобы задернуть занавеску. Горо смотрел на ее задницу, обтянутую розовыми трусами в сеточку, и старался не думать о том, что вскоре она ляжет к нему в постель. На его счастье она задержалась у окна, разглядывая что-то в ночной темени.

– Так ты ложишься? – спросил он.

– Да, сейчас.

Она приоткрыла форточку и собралась было задернуть занавеску, когда Горо спросил:

– Зачем ты это сделала?

– Что?

– Открыла форточку.

– А что?

– Ты же знаешь, что мне нельзя спать на сквозняке. Я только выздоровел.

– Мне жарко. Ты не думаешь обо мне?

– О тебе? А ты обо мне думаешь?

- Конечно.
- Тогда зачем открыла эту чертову форточку?
- Я же сказала, мне жарко.
- Спи одна.

После этой перепалки Горо поднялся, схватил свою подушку и отправился в другую комнату. Там было тихо. Он лег на диван, слушая проезжающие по улице машины и пытаясь уснуть. Не удавалось. Чертова сука, подумал он. Какого дьявола я должен ворочаться на этом гребаном диване? Мне вставать в шесть, а она будет валяться до десяти на мягкой кровати. Я пойду зарабатывать бабло, а она тут же спустит его на ненужное тупое шмотье. Я сдохну тут, а эта сука получит страховку и заведет себе молодого хахаля. Захотелось в сортир. Горо нехотя поднялся, вышел в коридор и прислушался. Из спальни доносилось ровное сопение Кадзими.

Сука, сука, сука!

Горо охватило бешенство. Ему захотелось придушить ее во сне, придушить так, чтобы зенки полезли из орбит. Пальцы судорожно сжались. Нервы совсем ни к черту. Нужно пойти прошвырнуться.

На улице Горо вспомнил, что так и не отлил. Как назло туда-сюда шныряли безмозглые бараны-прохожие. Какого хрена они тут шарятся? Давно пора разбежаться по своим норам и дрыхнуть. Пидары. Даже в подворотню не свернуть. Горо шел по улице, оценивая ситуацию. Проехала полицейская машина. Мозгоебы. Каждую минуту в стране совершается преступление, а они неспешно рассекают тут по главной улице. Горо дошагал уже почти до муниципалитета. Желание отлить достигло прямо таки вселенских масштабов. Горо сжимал мышцы изо всех сил, но моча неостановимо прорывалась так, что хоть рукой зажимай. Все из-за этой чертовой суки Кадзими. Надо ей было открыть свою долбанную форточку. Ненавижу тварь. Горо поднялся по ступеням мэрии и позвонил. Дверь открылась, и на Горо уставился охранник. После недолгих переговоров, этот пидар покачал головой и захотел закрыть свою лавочку обратно. Пришлось сунуть ему тысячу с мелочью – все, что лежало в кармане.

Струя пошла криво, так что половина кабинки оказалась залита мочой. Да и хрен с ним. Уберут. За это я и плачу им налоги. Горо застегнул ширинку и хотел было идти, когда заметил краешек бумаги, выглядывавший из сливного бачка. Это был конверт. Вот же уроды. Нашли почтовый ящик.

Внутри было десять тысяч и записка.

«Я награждаю тебя, Горо. Бережно храни свой гнев. Заботься о нем. Пожалуйста, будь счастлив».

Нанаро Сайто был стар. Его плечи согнулись под тяжестью шестидесяти восьми прожитых годов, двадцать три из которых не имели особого смысла. Двадцать три последних года, что он работал уборщиком в муниципалитете. Двадцать три года прочно пристрастившие его к выпивке.

Жена, когда еще жила с ним, называла его чебурашкой. Опять нажрался, чебурашка старая, говорила она, когда он возвращался домой. Кажется, Нанаро даже не реагировал на это. Управившись с уборкой до обеда, он околачивался в хозяйственном блоке до тех пор, пока не находил мазу выпить. Худой, красный, с сухими жилистыми руками и мохнатой грудью, он сидел в курилке, ожидая пока сложится какая-нибудь тема. При этом он никогда не нажирался в говно. Даже в полговна. У него никогда не было столько денег или маз. Он всегда был всего лишь пьяненький.

Жена ушла от него за два года до того, как Нанаро перестал отмечать ход времени в памяти и подчинился его естественному ходу. Когда за окном становилось светло – Нанаро

поднимался, вытаскивал из-под матраца десятку и шел на работу. С наступлением темноты он возвращался домой, как всегда навеселе и заваливался в постель, иногда даже не снимая ботинок. Зимой Нанаро натягивал на рабочий комбинезон куртку, а с наступлением лета вешал ее в шкаф. Жизнь его была проста, словно течение реки.

Этот день Нанаро ничем не выделялся среди прочих. С утра он уже успел пропустить стаканчик в забегаловке возле дома, и теперь вооружившись тележкой, на которой стояли несколько ведер, чистящие средства и швабра, направлялся драить сортир. Эту унылую работу Нанаро выполнял безо всякого удовольствия, как и все в своей жизни. Кто-то производит говно, а кто-то его убирает, говорил он себе частенько. Но в говне все.

Нанаро открыл дверь туалета и заглянул туда. На полу сидел какой-то малец. Нанаро повесил на ручку табличку «Уборка», но заходить не стал. Спешить ему было некуда. Прислонившись к стене и дожидаясь пока сортир освободится, он разглядывал своими водянистыми глазами ручку швабры. Вскоре малец вышел, хлопнув дверью. Нанаро равнодушно отметил этот факт. Для него он значил не более, чем сигнал приступить к работе.

Служащие муниципалитета не отличались особой чистотой. Кто-то регулярно дрочил в кабинках, бросая измазанные спермой салфетки на пол. Нанаро заглянул в среднюю. Пол возле толчка был залит мочой, а под ободком застыли потеки дерьма. В остальных где хуже, где лучше. Обычное дело. Нанаро сменил рулоны туалетной бумаги, добавил полотенец в держатель возле умывальника, развел моющий порошок в ведре и приступил к уборке.

В одной из кабинок он наткнулся на конверт. Разобрав надпись, Нанаро помял его, убеждаясь, что внутри действительно деньги. Не вскрывая, он сунул конверт себе в карман.

«Я награждаю тебя, унылый Нанаро. Оставайся таким вечно. Пожалуйста, будь счастливым».

Сисиро Хига сидел за письменным столом. Перед ним на гладкой полированной поверхности лежали три стопки: в одной были пятитысячные купюры, в другой – тысячи, а третья стопка состояла из конвертов. Дорогих конвертов, из бумаги ручной работы – васи.

Со стороны могло показаться, что время Сисиро уже близится к концу. Его виски опутала седина, а на шее висели складки морщинистой кожи. Но когда Сисиро отсчитывал десять тысяч йен и клал их в конверт, его рука была тверда, а глаза ясны и пронзительны. На губах Сисиро играла легкая улыбка, когда он брал кисточку и аккуратно выводил на конверте – «Вознаграждение». Сисиро был горд своим трудом. Ему казалось, что он выполняет его вечно.

Однако количество работы не уменьшалось, наоборот – с каждым годомgrossбух, куда Сисиро записывал имена получателей, становился все толще. Нужно бы завести себе одну из этих новомодных электронных шутоквин, думал он каждый раз, смачивая кисточку в туши, да все откладывал за недосуг.

Сисиро хорошо понимал, что испытывает каждый, кто находит его деньги. Чувство беспокойства или даже предчувствие некой опасности закрадывалось в их души, скользя по червоточинам. Но Сисиро был спокоен – его деньги всегда попадали к адресату. Заслуги всех этих людей в глазах Сисиро были неоспоримы, хоть и стары как мир. Кое-где они признавались недостойными человека, идеального человека, но кто из нас идеален? Наоборот, эти заслуги требовалось развивать, совершенствовать и поощрять, дабы люди не сворачивали с того пути, который был намечен еще на заре сотворения мира. И он, Сисиро, был наделен властью указать этот путь. Отметить его. Принять к себе и повести за собой.

Некоторых требовалось всего лишь подтолкнуть, поступки же других иногда заставляли изумленно приподнять бровь и самого Сисиро, много повидавшего на своем веку. Люди изоб-

ретательны. Нужно лишь подождать пока они наткнутся на дверь, замкнутую вековыми запретами.

И Сисиро ждал, слегка изогнув свои тонкие губы в улыбке, высокомерно приподняв подбородок. Он подстегивал отстающих, направлял сомневающихся и награждал выдающихся. Гордый в своем естестве. Он – Сисиро Хига, дьявол.

А,Ш,А,Н

возьми меня с собой в ашан к багетам и карандашам, к рядам коробок из яиц, к рукам унылых продавщиц веселых дней минули дни глянь – впереди горят огни четыре буквы а, шэ, ан, и словно ты у океан, прибой играет лошадьми, тележки полные хуйни, пакеты, литры молока, смешались в кучу сыр икра, четыре пачки чипсов лэйс, вино, от насекомых спрэй, возьми меня с собой, шутя, словно хочу того и я

Соль (песня)

О реальных событиях

Тридцать первого числа Иван Пчелкин плясал в своей квартире на улице маршала Захарова. Днем Иван был в аптеке, где купил у неустановленных лиц неустановленное количество психотропного вещества соль. Соль действовала подобно большому количеству химического соединения под названием о-два. Соль кружила голову, вызывала яркие картинки, опьянение и разные чувства, избыточные для четырех стен одной комнаты на улице маршала, лежавшего в кремлевской стене.

Иван принес соль домой, разложил ее на столе и употребил. Двадцатидевятилетний Иван Пчелкин из сибирского города, временно не работающий, страдающий от недостатка впечатлений, живущий полгода под серым холодным небом, с которого сыпется – нет, не соль, а другое вещество, под названием снег. Снег Иван не любил. И от нелюбви к снегу Иван полюбил соль, потому что его огромное сердце не могло больше переносить пустоту в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.